

Е. В. ЧИСТЯКОВА

**«Скифская история» А. И. Лызлова и труды
польских историков XVI—XVII вв.**

Необходимость противодействовать турецкой агрессии в восточной Европе в последней четверти XVII в. настоятельно ставила вопрос о совместных действиях России и Речи Посполитой. Уже в ходе войны за Украину наиболее дальновидные политики обеих стран пытались мирным путем разрешить конфликт между государствами и наметить контуры предстоящего союза.

После заключения Андрусовского мира в 1667 г. и последовавших переговоров наметился поворот от войны не только к миру, но и к союзу двух славянских держав. Этот поворот совершался медленно, с большими трудностями, при явной антипатии к новому курсу отдельных групп феодалов как в Польше, так и в России. Неуклонное движение к миру и союзу усилилось после Чигиринской войны 1676—1681 гг., показавшей необходимость совместных усилий славянских народов в борьбе с грабительской политикой Османской империи. В 1686 г. был заключен «вечный мир» России с Польшей — «антивоенный союз», тогда же оформилась и антитурецкая лига, к которой, кроме упомянутых держав, присоединились Австрия и Венеция.¹

В 80-е годы русский историк А. И. Лызлов начал готовить свой труд «Скифскую историю», посвященную борьбе славянских народов, прежде всего России, с татаро-турецкими завоеваниями до XVI в. включительно.²

Для составления «Скифской истории» А. И. Лызлов привлек большое количество источников, как отечественных, так и зарубежных.

В рукописных списках «Скифской истории» после оглавления следует приписка: «Книги историй, от них же сия история сочинися и написася: Степенная, Хронограф, Синописис, Летописец, История, жития святых, Бароний, Плиний, Курций, Квинт, Длугош, Меховский, Кромер, Стрыйковский, Бельский, Гвагнин, Ботер».³ Этот перечень — своеобразная библиография вопроса, хотя и далеко не полная. Установить полный состав источников и приемы их использования в «Истории» чрезвычайно сложно. Автор не дает исчерпывающих ссылок на источники, а подчас, приводя текст одних исторических трудов, проставляет сноски на другие, очевидно, проверяя приведенные сведения и стремясь найти им подтверждение. Как правило, Лызлов привлекает источники литературно-исторического характера, в меньшей степени тексты договоров и записи Дворцовых разрядов. Из отечественных материалов он больше всего использовал

¹ И. Б. Греков. Вечный мир 1686 г. (автореферат). М., 1950, стр. 25—26.

² А. И. Лызлов. Скифская история. М., 1787 (далее: Лызлов). Рукописный список «Скифской истории» — ГИМ, Синод., № 460. в 4°; Е. В. Чистякова. Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история». — Вестник истории мировой культуры. М., 1961, № 1.

³ ГИМ, Синод., № 460, л. 4 б/н.

хронографы, летописи, Степенную книгу, исторические повести и сказания, а также фольклорный материал. В «Скифской истории» широко цитируются «Казанский летописец», «Повесть с бою воевод Московских с неверным ханом» 1471 г., «Повесть об убиении Батюга», «История о великом князе Московском» А. М. Курбского, «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера,⁴ Сказание о нахождении Темир-Аксака и др.

Помимо непосредственно русских источников, А. И. Лызлов изучал украинские исторические труды, получившие затем общероссийское значение. Он неоднократно ссылается на «Синописис печатный Киево-Печерский», составленный под наблюдением архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля в начале 70-х годов XVII в. и тогда же опубликованный на русском языке.⁵ По «Синописису» Лызлов излагает ход битвы на р. Калке, рисует взятие татарами Киева в 1240 г., Куликовскую битву 1380 г. и т. д.⁶ Система изложения и приемы простановки ссылок очень сходны у Лызлова с Густынской летописью, список которой в 1670 г. был сделан иеромонахом М. П. Лосицким.⁷ В главах, касающихся Турции, близка к «Скифской истории» Хроника игумена Михайловского монастыря Феодосия Сафоновича.⁸

В разделе «Енеалогия турецкая, откуда взяли свой початок» Сафонович пишет: «Хочем ли обачити, откуда турки пошли — не иначе едино с татар початок их выводити мусим. Албо вем наперед Отоман, продок их разбоем жил, як и татарове. Указует то одинакая молва (язык), одинакий строй, одинакие обычаи, одина вера, одинакий способ военной стрельбы ручной». И далее следует мысль, неоднократно подчеркнутая Лызловым: «Хочеса мало мавою не згожают, одинак так их розный язык от татарского, як польский от русского, албо ческого, албо влоский от гишпанского».⁹ Лызлов вслед за Сафоновичем перечисляет завоевания турок во всех частях света, интересуется военным строем турок (ср. у Сафоновича «Порядок о рыцарстве цесаря Турецкого») и т. д.¹⁰

Критический разбор «МахOMETанского учения», сделанный Лызловым (гл. IV) ч. II, по изд. Н. И. Новикова, по своим идеям близок произведению архимандрита Черниговского и Елецкого Иоанникия Галытовского «Алкоран МахOMETов» (Чернигов, 1683), переведенному на русский язык Стахеем Ивановичем Гадзеловским.¹¹

Указанные труды украинских историков объединяет со «Скифской историей» одинаковый круг польских и латинских источников. Поскольку упомянутые исторические труды возникли раньше «Скифской истории»,

⁴ Об использовании Лызловым «Повести о взятии Царьграда» см.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 211 и сл.; ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 2, д. 35.

⁵ С. А. Пештич. «Синописис» как историческое произведение. — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958.

⁶ Синописис. СПб., 1810, стр. 129—188; ср. Лызлов, ч. I, стр. 22, 37, 54—55.

⁷ ПСРА, т. II. СПб., 1843 (Прибавление к Ипатьевской летописи).

⁸ Библиографию изданий Сафоновича и литературы о нем см.: Л. Э. Махновец. Українські письменники. Біо-бібліографічний словник, т. I. Давня Українська література (XI—XVIII ст. ст.). Київ, 1960, стр. 515—516.

⁹ ГПБ, Сборник Д. М. Голицына, Ф. IV. 215, л. 228 (227); ср.: Лызлов, ч. II, стр. 107.

¹⁰ ГПБ, Ф. IV. 215, лл. 231—231 об. Интересно, как Сафонович понимал патристическую роль своего труда: «Каждому вем потребная есть речь — о своей отчизне знати и иншим пытающим сказати, бо своего роду не знающих людей за глупых почитают». И далее опять сходно с Лызловым: «Що тады из розных летописцев русских и кроник польских вычитаем, тое пишу». — ГПБ, Ф. XVII. 19, л. 30.

¹¹ ГПБ, ф. Толстова, Ф. XVII. 19, лл. 316—330; ГПБ, собр. Духовной академии, № 186, лл. 1—80 об.; Н. Ф. Сумцов. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия, вып. II. Иоанникий Голятовский. 1885.

есть основание полагать, что через их посредничество автор ознакомился с произведениями польской и вообще западноевропейской историографии.¹²

Конечно, Лызлов далеко не исчерпал всех русских материалов, доступных для его работы: ограниченно использовал тексты русских летописей, игнорировал цикл сказаний о Мамаевом побоище, «Повесть о разорении Рязани Батыем», сибирские летописи, в очень слабой степени затронул актовый материал. Пробелы в отечественной историографии автор объяснял гибелью большого количества книг. Он писал, что о некоторых фактах не может найти сведений: «...не обретается в летописцах скудости ради их, браней ради и пленений непрестанных от татар, даже до сего времени».¹³

В списке использованных Лызловым книг преобладают указания на труды зарубежных историков. Автор, подчеркивая их вспомогательное значение, пишет: «Зде на свидетельство и подтверждение летописцем российским привести потшуся».¹⁴

В «Скифской истории» приводятся сведения из «Истории греко-персидских войн» Геродота, «Истории Александра Великого» Квинта Курция, цитируются строки из «Энеиды» Вергилия, поэм Овидия Назона, но иногда в передаче других авторов. Лызлов неоднократно ссылается на «Театрум света всего» Иоанна Ботера (переведен с валахского на польский в 1659 г.) и «Годовые дела церковные» Цезаря Барония.

Более всего были использованы Лызловым польские хроники XV—XVI вв. Стадии его работы над польскими материалами установить очень трудно. Подготавливая выписки из русских и польских источников, Лызлов сам переводил с польского отдельные фрагменты или целые исторические произведения.

В некоторых полных списках однотипных исторических сборников, получивших название «сборников Курбского», хотя и очень разнообразных по своему составу,¹⁵ перед заголовком к 4-й главе книги I Хроники М. Стрыйковского имеется предисловие, раскрывающее до некоторой степени этапы подготовительной работы А. И. Лызлова над своей темой. В этом предисловии говорится: «Ныне же переведено от славено-польского языка во славенороссийский язык труды и тщанием Андрея Лызлова, стольника его царского пресветлого величества, лета от сотворения мира семь тысящъ сто девяносто, от воплощения же слова божия тысяща шестьсот осмьдесят второго, месяца марта».¹⁶ Приведенная цитата еще раз подтверждает наше мнение о том, что А. И. Лызлов был стольником, а не священником¹⁷ и, кроме того, показывает, что он, готовя свой труд, в 1682 г. переводил отдельные главы Хроники М. Стрыйковского. Возможно, что Лызлов сделал список со «сборника Курбского», составленного в конце XVI в., и пополнил его своим переводом из Хроники М. Стрыйковского.

¹² А. Rogozинский. «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к «Киевскому Синописису» Иннокентия Гизеля. — ИОРЯС, т. XV, кн. 4. СПб., 1910, стр. 270—273.

¹³ Лызлов, ч. I, стр. 83.

¹⁴ Там же, стр. 80.

¹⁵ Я. С. Лурье. Археографический обзор посланий Ивана Грозного. — В кн.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 547—551.

¹⁶ Научная библиотека им. М. Горького ЛГУ, ркп. IV. 47, л. 218 об.

¹⁷ См.: Е. В. Чистякова. Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 284—288.

Вслед за этим Лызлов сделал перевод книги Симона Старовольского «Двор цесаря Турецкого» и полностью присоединил ее к своей «Скифской истории» в качестве Приложения или последней главы (VIII) части IV (в издании Н. И. Новикова кн. V). Публикуя книгу Лызлова, Н. И. Новиков выпустил очень важное пояснение о книге Старовольского, имеющееся в рукописных списках «Скифской истории» и разделяющее текст Лызлова с переведенной им книгой Старовольского.

После главы VII, части IV в рукописи имеется приписка, которая поясняет историю польского издания «Двора цесаря Турецкого»: «Двор турецкий. Свидетельство: ксионз Яков Устенский, святого писания и уставов обоих учитель, разсмотритель книг, в типографию относимых, просмотрев книжку под именем „Двор цесаря Турецкого“, от велебного ксионза Симона Старовольского, кантора Тарновского, собранную от повестей и книг италийских, яко согласна есть со знаменитыми повестями и историями свидетельствованными. Ю же (много ради мужей ученых на уничижение безумия поганского) соизволяю, дабы была напечатана». И далее: «Печатана в Кракове в типографии Францишка Цесаря лета 1649».¹⁸

Книга «Двор цесаря Турецкого» была напечатана 5 раз в течение XVII в. (первое издание: Краков, 1646), 2 раза — в XVIII в. и 2 раза — в XIX в. (последнее издание: Краков, 1858).¹⁹ Уже первое издание книги стало известно в России. В реестре № 2 Турецкого двора за 1646 г. (ЦГАДА, фонд Посольского приказа) Н. А. Смирнов нашел упоминание о незаконченном переводе первых 16 глав книги Старовольского.²⁰ В 1649 г. печатный польский текст книги был привезен в Россию дьяком Г. Кунаковым.²¹

В России в XVII в. существовало несколько переводов «Двора цесаря Турецкого». Исследовавшая русские переводы книги С. Старовольского Е. М. Иссерлин насчитывает 6 вариантов (без указанного выше в ЦГАДА), сделанных лишь за вторую половину XVII в.²² Это показывает большое распространение в России польской исторической литературы в тот период.

Во всех полных списках «Скифской истории» в заголовке помечено: «Разделяется же в четыре части, к тому приложена повесть о поведении и жительстве в Константинополе султанов турецких, еже переведено от славено-польского языка во славено-российский язык им же Андреем Лызловым». В конце книги есть точная дата перевода: «Переложено от славено-польского языка во славено-российский язык Андреем Лызловым лета мироздания 7195-го, месяца ноемирия»,²³ следовательно, перевод был

¹⁸ ГИМ, Синод., № 460, л. 304; см. также: БАН, 32.4.27, л. 256; Госархив Калининской области, № 649, л. 223 и др. Симон Старовольский родился в Староволи на Воляни во второй половине XVI в. В 1612 г. он поступил в Краковскую Академию наук, где в 1618 г. получил звание бакалавра. Будучи учителем А. Конецпольского, он много путешествовал. Во время пребывания в Италии в 1624—1631 гг. Старовольский воспользовался местными материалами для составления книги «Двор цесаря Турецкого». В 1638 г. он стал ксендзом, был кантором Тарновским, каноником Краковским, казначеем Краковской кафедры. Старовольский скончался в 1656 г., оставив около 70 работ, написанных на польском и латинском языках.

¹⁹ G. K o r b u t. Literatura polska, t. I. Warszawa, 1929, стр. 277.

²⁰ Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1. М., 1946, стр. 46—47.

²¹ ГПБ, Q. XVII, 21, л. 384; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 90—92.

²² Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка XVII века. М., 1961, стр. 9.

²³ ГИМ, Синод., № 460, л. 376 об.

сделан Лызловым в ноябре 1686 г., а не в 1683 г., как полагает Е. М. Иссерлин.²⁴

Наблюдения над текстом «Двора цесаря Турецкого», включенным в «Скифскую историю» (ГИМ, Синод., № 460), и сравнение его с текстом перевода, выполненного для Федора Алексеевича в 1678 г.,²⁵ показывают некоторые текстуальные различия между ними. Отдельные вставки в переводе Лызлова (о Требинском епископе — лл. 342—342 об.; о поведении католиков перед алтарем, о превращении церквей в «корчменницы» — л. 358 об.; об омовении и обрезании — л. 362; о хождении к заутрени — л. 370 об. и др.) свидетельствуют о том, что переводы делались, очевидно, с различных польских изданий книги Старовольского, во всяком случае переводчики имели разные редакции оригинала. Отмечается лишь один существенный пропуск в тексте Лызлова (3 листа главы 5-й и начало главы 6-й — л. 308 об.; Синод., № 539, лл. 26—28), чем и объясняется путаница в нумерации глав.

Текстуальное сличение перевода А. И. Лызлова с переводом 1678 г. показывает, что Лызлов делал вставки и давал пояснения к тексту Старовольского и специально для читателей: так, в первой фразе он добавляет «с ним, султаном же, мы, россияне и поляки, ближнее соседство имеем» (гл. 1). В связи с описанием похоронного обряда у турок — о смешивании земли с землей около покойника — Лызлов пишет: «И есть воистину вещь достойная, учитися нам от них таковых добоудетелей умершим творити» (л. 362 об.). На полях Лызлов поясняет слово «амбоны» (пулпиты): «места, на них же поп стоя учит» (л. 368). Имеется вставка о стрельбе из лука и др. Характерна концовка обоих переводов: в переводе 1678 г. — «а православному самодержцу нашему» (л. 153 об.), у Лызлова — «славному же нашему словенскому народу, иже близ его обитаем, изволил дати мудрость, мужество и едино полное согласие со всеми христианы» и одержать «благодчастные победы» (л. 376).

Сравнение перевода терминов показывает, что Лызлов более самостоятелен в переводе иноязычных оборотов и слов средствами русского языка, чем переводчик 1678 г.:

«Двор цесаря Турецкого
(1678 г.)

«Двор султана Турецкого»
(Лызлов)

Гл. 1. О положении Царьграда и хоромах его, что ни лучших.

Гл. 1. О положении селения Константинограда и зданиях его начальнейших.

Гл. 5. О пошлинах и податех градских.

Гл. 5. О пошлинах и доходах градских.

Гл. 7. О судех и справедливости турецкой.

Гл. 7. О судех и праве турецком.

Гл. 12. О столе...

Гл. 12. О трапезе...

Гл. 13. О стаини...

Гл. 13. О конюшне...

Гл. 17. О упражнении цесаря в шарю.

Гл. 17. О утехах султанских в Сараях.

Гл. 21. О постановлении нового цесаря.

Гл. 21. О избрании нового султана.

Проведенное выборочное сличение показывает, что Лызлов не следовал переводу книги Старовольского, сделанному до него, а переводил текст сам, субъективно трактовал отдельные места, вставлял или опускал значительные отрывки, делал пояснения от себя, иначе переводил отдельные фразы заголовков, толковал термины и т. д.

²⁴ Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка II половины XVII в. (авторреферат). Л., 1961, стр. 8. Автор не упомянула, что князь М. Кропоткин, находясь в 1690 г. в Белграде, сделал перевод книги Старовольского с краковского издания 1689 г. Об этом см.: А. Е. Викторов. Каталог славяно-русских рукописей... Д. В. Пискарева. М., 1871, стр. 45; ГБЛ, Муз. 608 (Пискарева, 173), л. 35.

²⁵ ГИМ, Синод., № 539; опубликован неточно арх. Леонидом (ПДП, т. XLII. СПб., 1883).

Не ограничиваясь выборочным переводом хроник и сплошным переводом текста польского издания книги С. Старовольского, А. И. Лызлов широко привлек фактический материал польских хроник для своей «Скифской истории». Наиболее основательно он использовал «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси» Матвея Осостовиуса Стрыйковского.²⁶ Труд Стрыйковского до сих пор не подвергнут основательному источниковедческому анализу. А между тем значение его определяется не только разработкой истории Литвы и Польши, но и тем влиянием, которое он имел на историографию России и Украины. В Хронике Стрыйковского синхронно изложены события по истории славянских стран, включая Россию в период средневековья. Труд Стрыйковского, написанный в 1582 г., основывался на произведениях греко-римских писателей, а также в занимательной форме пересказывал то, что было сделано до него в польской историографии: «Хронику» Яна Длугоша, «Хронику света» Мартина Бельского, «Трактат» и «Хронику» Матвея Меховского, труд Мартина Кромера «О начале поляков» и др.

Как указывалось выше, Лызлов еще в 1682 г. перевел отдельные фрагменты из Хроники Стрыйковского на русский язык.²⁷ В предисловии к своему переводу «Истории о начале изшествия народов, обитающих на земли...» он писал: «И по них бывших наследников их, где который народ прежде селения своя имели и ныне имеют и откуды различными прозванием именовавшихся. Паче же истинныя и свидетельством многим летописцов утвержденный вывод и начаток славенских многочисленных народов российских, московских, польских, чешских, болгарских, сербских, босенских, карвацких, рацких, далмацких, иллирицких, молдавских и протчих славенский язык естественнее имеющих». И далее: «Еже из многомрачных пропастей неведения обретоено бысть ко умножению славы народов славенских труды и тщанием кроникаря польского Матфея Стрыйковского и напечатано своим его именем во граде Кралевце, области кралевства Польского в типографии Георгия Остербергера, лета от воплощения слова божия 1582».²⁸ Так высоко Лызлов оценивал труд своего предшественника.

Сравнение «Скифской истории» с Хроникой Стрыйковского показывает большую текстуальную зависимость труда Лызлова от Хроники. Целые страницы текста Стрыйковского, иногда вместе со ссылками на другие труды и пояснениями географических терминов на полях, включены Лызловым в свою «Историю». Так, дословно совпадают в I книге: рассказ о комете, предшествующей битве на реке Калке, о болгарах-волгарах, об археологических памятниках в полях Можарских, о правлении татарских ханов (Джанибека, Бердибека и др.), о событиях в Восточной Европе в XIV в., о наступлении Ольгерда, о турецких султанах и т. д.²⁹

Широко пользуясь сведениями из Хроники Стрыйковского, Лызлов не ограничивается простым копированием или приведением отдельных цитат.

Несмотря на множество ошибок, Лызлов высоко ставит значение факта. В этом отношении он отстает от провиденциализма и переходит к праг-

²⁶ ГБЛ, ф. 228, Пискарева, № 171 (606), перевод 1688 г. Для сравнения с оригиналом мы пользовались также польским изданием: *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strujkowskiego*, t. I—II. Warszawa, 1846.

²⁷ Следует отметить, что М. Стрыйковский в своей Хронике много внимания уделяет войнам между Россией, Литвой и Польшей, тщательно подчеркивая случаи поражения России и ратные подвиги литовских феодалов. Это надо иметь в виду при изучении степени влияния Хроники на русскую и украинскую историографию.

²⁸ ГИМ, Уваровское собрание, № 242/1582, в 1^о, л. 181.

²⁹ Укажем в качестве примера совпадения текстов книги Лызлова (по печатному изданию — М., 1787) с Хроникой М. Стрыйковского (по польскому изданию 1846 г.) (далее: Стрыйковский): I, 5—I, 231; I, 20—21—I, 230—231; I, 38—I, 234; II, 48—49—II, 6 (416); I, 51—II, 6; I, 52—53—II, 7; II, 57—II, 110 и т. д.

матизму с попытками рационалистического объяснения явлений. Об одном и том же событии он нередко приводит высказывания двух-трех источников, присоединяясь к одному из них.

В первых строках своей «Истории» он дословно цитирует Стрыйковского, который пересказывает мнение Диодора Сицилийского о происхождении скифов.³⁰ Но сам же замечает, что другие историки (например, А. Гваньини) «мнят повесть ту быти живу или басни в себе содержащую». И далее уже перелагает «Историю Сарматии Европейской».³¹ «Границы же Скифския с запада от реки Дону (а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быть)» — таким образом, перелагая сведения, почерпнутые в Хронике Стрыйковского, Лызлов проверяет и сравнивает их с данными из других произведений и вносит свои поправки.

На стр. 27—30 Лызлов приводит сведения Стрыйковского со ссылками на польские источники о пребывании болгар и половцев в Причерноморье. Далее он считает необходимым сделать пояснение: «Зде может быть читателю усумнение, яко един историк во единых местех изявляет двоих народов жителей, Болгаров и Половцев... еже может тако разуметься: яко той болгарский народ, или прежде сих в тех странах жили, а по них на те места половцы и печенези из-за Днепра... приидоша; или яко пространны суть страны те, оба народы, един в полях, то есть половцы и пиченези, а другие, то есть болгары ближе подле моря жительствоваали». Так, комментируя, сопоставляя сведения из польских хроник, автор старается установить факты.

Рассказывая о нашествии трех армий Батыя, Лызлов вслед за Стрыйковским ссылается на «летописцев польских Кромера, Длугоша, Меховского». Причем ссылка на Кромера у Лызлова уточнена (кн. 3, л. 184).³² Далее он сверяет сведения по труду Гваньини и замечает «яко о том пишет летописец польский Александр Гвагнин в Кронике Польской: глаголет бо, во время государствования в Польше Болеслава Пудика, то есть, Стыдливого (его же кралевства начало, пишет он, лета от Христа 1243 и по сему его свидетельству прибыло два лета приходу Татарскому. Оба же не довлеет един он в свидетельстве против трех верных выше именованных старых летописцев)».³³ Так, сравнивая данные разных историков, Лызлов в некоторых случаях стремится поправлять неточности в датах, встречающиеся у польских хронистов. Автор уточняет не только даты и факты, но и генеалогию татарских ханов. Например, он не соглашается с мнением Стрыйковского и Гваньини по поводу родственных отношений Узбека и Батыя: «Сего Азбека Стрыйковский называет сыном Батыевым, також де и Гвагнин «О Татарех» пишучи. Но несть тако, ибо по смерти Батыеви до 6815, 1307 лета, в не же начат владети Азбек, имать сочестися 59 лет. И по сему свидетельству несть той сын Батыев».³⁴ В действительности Узбек начал править в 1312 г. и был праправнуком Батыя.³⁵

³⁰ Лызлов, стр. 5; ср.: Стрыйковский, ч. I, стр. 231.

³¹ ГПБ, Q. IV. 56, л. 31 — «О Еуропской Сарматии в границах и околичностях ся и стран, которые в себе содержит и живущего в ней народа описание сидево» С началом «Скифской истории» дословно совпадает текст на лл. 219 об.—220.

³² Лызлов, ч. I, стр. 38; Стрыйковский, ч. I, стр. 234.

³³ Лызлов, ч. I, стр. 39. Полное название труда итальянца Александра Гваньини из Вероны на русском языке: История Сарматии Европской, в ней же заключается королевство Польское со всеми... княжениями и державами своими, такожды великое княжение Литовское, Русское, Прусское, Жмудское, Инфлянское, Московское и часть татаров. — ГПБ, Q. XVII. 28. На польском языке перевод с Латинского напечатан в Кракове в 1611 г.

³⁴ Лызлов, ч. I, стр. 48.

³⁵ М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960 (таблица «Родословие ханов Золотой Орды»).

Пересказывая сведения Стрыйковского о борьбе татар с войсками литовского князя Ольгерда, Лызлов пишет: «Того ради, лета от Христа 1333, — имать быти 1361: ибо Стрыйковский пишет, сего князя Олгерда имуща брань с великим князем Московским Дмитрием Ивановичем. лета 1332, его же государство началось по известным Российским летописцам лета 6870, а от Рождества Христова 1362».³⁶

Из этой фразы видно, что при проверке текста Стрыйковского автор отдаст предпочтение русским летописям.

Но А. И. Лызлов не только стремится установить даты и генеалогию князей и ханов. Он делает более существенные пояснения. Например, рассказывая о калейдоскопической смене ханов в Орде в конце XIV в., когда некоторые правители пребывали на троне всего 7 дней, он разрывает текст Стрыйковского и замечает в скобках: «ибо власти зле приобретенныя, недолго обыкоша пребывати».³⁷ Эта фраза дает возможность судить о политических воззрениях сторонника сильной царской власти, приобретенной не путем насилий и захватов, а полученной по наследству.

Приводя рассказ Стрыйковского о набегах Сеид-Ахмата (Сад-Ахмата) на Подолию и бегстве его от Эди-Гирея (Ходжи-Гирея) с 9 сыновьями и мурзами в Литву, Лызлов пишет: «...зде сумнительно... еже сице разумеется» — и приводит сведения из Степенной книги.³⁸ Иногда он сравнивает текст Стрыйковского не с одним, а с двумя и более источниками. Так, устанавливая дату гибели Ахмата в сражении с нагайским ханом Иваком при возвращении с Руси, он пишет, что Казанский летописец датирует это событие 1480 г., Степенная книга — также, а Стрыйковский, называя хана то Шахмат, то Ахмат, относит его к 1477 г., т. е. «треми леты токмо прежде летописцев Российских». Завершая свои хронологические изыскания, Лызлов делает следующий вывод: «Но или сице, или тако, обаче от сего времени прииде Орда в конечное запустение».³⁹

Приведенные примеры показывают, что Лызлов не только переписывал текст Хроники Стрыйковского, но пытался проводить сопоставление его с другими источниками, как польскими, так и русскими (Степенной книгой, хронографами, летописями и др.).

Довольно сложно установить взаимосвязь Хроники Стрыйковского и «Описания Сарматии Европейской» Александра Гваньини. Этот веронец, будучи ротмистром в армии Стефана Батория, по некоторым сведениям, присвоил рукопись Стрыйковского о Литве и Польше в Витебске и позже опубликовал часть ее в Кракове под своим именем.⁴⁰

Не берясь судить о взаимозависимости Хроники Стрыйковского, труда А. Гваньини и других польских хроник, заметим, что для А. И. Лызлова «Описание Сарматии Европейской» в некоторых частях (о венграх, о татарах) имело, по-видимому, самостоятельное значение.⁴¹ Более того, из «Скифской истории» явствует, что А. Гваньини расходится в описании ряда деталей со Стрыйковским, и это заставляет настороженно отнестись к обвинению первого в плагиате (возможно, это касалось отдельных глав о Литве). Известно, что М. Кромер и М. Бельский широко пользовались рукописью Хроники кантора краковской кафедры Бернарда Ваповского.

³⁶ Лызлов, ч. I, стр. 52.

³⁷ Там же, стр. 51.

³⁸ Там же, стр. 68; Степень 15, гл. 2.

³⁹ Лызлов, ч. I, стр. 72.

⁴⁰ П. Броневский. О Стрыйковском и его хронике. — Финский вестник, т. 18, № 6. СПб., 1847, стр. 6.

⁴¹ Часто Лызлов подчеркивает разноречия этих хронистов. Например, в битве с ногами крымский хан потерял двоих царевичей, «Стрыйковский пишет внуки, а Гваньини дети его убиени быша» (Лызлов, ч. II, стр. 34).

Средневековой историографии присуща компилятивность. Текстуальная зависимость исторических произведений была очень тесной, и историки в спокойном тоне говорят об этом, когда речь идет о безымянных летописях, но с появлением фамилий авторов такая зависимость уже объявляется преступной, хотя ясно, что это лишь продолжение установившейся средневековой традиции.

Почти полностью на польских материалах основан рассказ А. И. Лызлова о борьбе западных и южных славян с турецкими захватчиками. В этой части труд Лызлова по построению и общей направленности перекликается также с работой сербского историка «Турска историја или Кроника, верно и истинито списана од некого србина или бошнака, званог Михайло Константинов из Острвице».⁴² Как и Лызлов, автор пишет о магометанской религии, о генеалогии султанов, истории борьбы славян, преимущественно сербов, с османами, об устройстве турецкого войска и приемах его борьбы со славянами: «... како се има постројити против тога христијанска војска».⁴³

В разделе о турках, что отметил уже А. И. Соболевский, Лызлов использовал также повесть «Туркия или Тракия. или Сарацинея — новый сей люд в те страны пришед ис татарского народу», которая попала в отдельные редакции Хронографа, по предположению А. И. Соболевского, из польской литературы.⁴⁴ Эта повесть излагает магометанское учение «Басни Махаметовы», сообщает сведения о воинстве турок и их «родословий», перечисляет турецкие захваты.⁴⁵ В Хронографе текст повести заканчивается песней о турецкой неволе. Лызлов также приводит эту песню, но в более полном варианте (на две страницы печатного текста). Он начинает песню со слов:

Сие несогласие христиан принесе,
Яко поганых на главы своя вознесе,
Государства бо стоящия немалый век
Взята, и днесь у них в неволи всяк человек...⁴⁶

В Хронографе же текст песни начинается через 37 строк со слов

Что прежде славяне имели в свободе,
То ныне дорого купят в поганском народе.⁴⁷

Как уже отмечалось, увлечение Лызлова польской историографией иногда мешало ему полнее использовать материалы отечественного происхождения. Порой это обедняло его рассказ, но в некоторых случаях давало возможность более объективного изложения фактов. Так, сведения о сражении русских под командованием князя П. Серебряного с турецкими войсками, посланными Селимом II под Астрахань в 1569 г., он излагает в трактовке польского посла в Турции в 1574 г. А. Тарановского Белины, написавшего рассказ «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань», переданный М. Стрыйковским, участвовавшим в этом посольстве.⁴⁸ Русские источники замалчивают победу князя Серебряного, впоследствии опального и казненного, и вообще не упоминают о сражении.⁴⁹

⁴² Гласник србског ученог друштва, кн. 18. Белград, 1865, стр. 45 и сл.

⁴³ Там же, стр. 163.

⁴⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература..., стр. 88.

⁴⁵ ГБЛ, Румянцева, № 457, лл. 496—503, ср. л. 503 с ч. III, гл. VII, стр. 75 Лызлова.

⁴⁶ Лызлов, ч. III, стр. 75—76.

⁴⁷ Там же, стр. 78. Ср. ГБЛ, Румянцева 457, лл. 503—505 об.

⁴⁸ П. Броневский. О Стрыйковском и его хронике, стр. 7.

⁴⁹ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1952 (серия «Литературные памятники»), стр. 372; ср. также: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 550—552 (комментарий Я. С. Лурье).

Нам представляется знаменательным обращение русского историка к польской исторической литературе XV—XVII вв., так как в ней очень остро ставились общеславянские проблемы. Не случайно родоначальник польских хронистов XV в. Ян Длугош, показывая историю Польши во взаимосвязи с другими народами, писал: «Поэтому и я, имея уже седую голову, стал учиться русскому письму, чтобы наша история была более верною».⁵⁰

Несмотря на приверженность католицизму, Матвей Меховский тревожился за судьбы русских, которых «ежегодно татары и турки мучат, полонят и продают в рабство».⁵¹

В «Хронике всего мира» М. Бельского, изложившего Хронику Б. Ваповского и труд М. Кромера, приводятся мнения о единстве происхождения и судеб славян.⁵² Лызлов широко использовал космографию М. Бельского в главах, посвященных истории Турции, особенно статьи «Зачало о турецких царех, как зачались турецкие цари, и о войне турецкие земли», «О делах турецких и о житии их», «Роспись царствам, сколько под руским царем царств...», «О вере и о молитве турецкой» и т. д.⁵³

Обычно исследователи указывали лишь на одну черту польских хроник — их баснословие и ошибки в датах; настало время выяснить историографическую ценность собранного в них материала. Заметим, что среди источников хроник достойное место занимали русские летописцы.

Через посредство этих хроник Лызлов черпал материал из трудов более ранних польских и греко-латинских авторов. Расширение круга источников помогало Лызлову осмыслить место Руси в истории европейских народов, ее роль в борьбе славян против татаро-турецких агрессоров, изучить события в соседних славянских странах.

Привлечение украинской и польской историографии дало возможность Лызлову преодолеть богословско-догматический провиденциализм и сделать шаг в направлении поисков причин происходивших событий в реальных фактах.

Нельзя не отметить, что материалы, собранные А. И. Лызловым, имели отклик в славянских странах. Так, М. Н. Сперанский установил, что хронографический вариант «Повести о взятии Царьграда» в трактовке А. И. Лызлова попал в болгарское издание 1713 г.⁵⁴

Проблемы общественно-политических взглядов А. И. Лызлова, методов его работы, изучение языка его произведения заслуживают особого внимания. Но уже и теперь можно сказать, что использование истории в нравоучительных целях, публицистичность «Скифской истории», обращение ее автора то к читателю, то к правителям, поиски исторических аналогий, широкое понимание общеславянских задач при высоком уровне национального самосознания, а также метод работы с материалом — все это ставило А. И. Лызлова в один ряд с историками славянских стран той поры.

Общность исторических судеб славянских народов, близость их языка и культуры порождали взаимное обогащение в области исторической науки и способствовали их сближению в области политической.

⁵⁰ И. Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 101.

⁵¹ Там же, стр. 102.

⁵² Там же, стр. 112—116.

⁵³ ГПБ, Оленин. сист., Ф. IV. 162, лл. 639 об., 688, 689.

⁵⁴ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей, стр. 211 и сл.